

Цитата из давнего библиографического справочника: «Писатель Анатолий Николаевич Яновский родился 26 июля 1919 года в Орле в семье железнодорожника».

А вот цитата из современной Википедии: «Родился в семье Н.И. Яновского – потомственного дворянина, офицера-артиллериста, адъютанта А.А. Брусилова. Дед со стороны отца – Ян Жан-Жак Иероним Николай Яновский – поляк, морской офицер, после отставки был главным инженером Рижского вагоностроительного завода, переехал в Орёл из Риги после начала Первой мировой войны. Мать – Зинаида Сергеевна Успенская – дочь священника села Ретяжи, учитель начальных классов».

Конечно, на протяжении жизни коммунист и партийный журналист Анатолий Яновский нигде и никогда не афишировал свои дворянские и священнические корни. И не потому, что скрывал их, – вполне возможно, не придавал особого значения. Его, как многих сверстников, с юности влекла революционная романтика. В автобиографических рассказах о латышских стрелках он писал о том, как белогвардейские пули едва не убили его – двухмесячного младенца на руках матери. А латыши, напротив, спасали, заботились. Писал Яновский о красногвардейской службе отца во время гражданской войны, о близких родственниках, сражавшихся за идеалы революции.

Надо ли нам теперь опровергать содержание пожелтевших уже страниц этих книг? Может быть, просто представить те бурные, лихие и полные надежд годы, когда он родился в Орле на Николо-Песковской улице? Кумач праздников, мелодии Варшавянки и Марсельезы, пионерские марши, первая радиопередача и первый аэроплан – такими были приметы эпохи, пестовавшей юного орловца.

Учился вместе с Леонидом Афониним – будущим писателем и литературоведом в школе № 6 (в этом здании на Комсомольской улице теперь – Дом творчества детей Заводского района). Один из сверстников Яновского вспоминал: «В школе царило повальное увлечение литературой и театром. Нет, совсем не в ущерб другим предметам: бывшие гимназические учителя, что преподавали здесь, основательно учили естественным и точным наукам, русскому и немецкому языкам. Но уроки литературы, а по вечерам репетиции и спектакли драмкружка были для школьников самыми яркими событиями». К тому же уроки нередко проходили в литературных местах Орла, в тургеневском музее.

Среди одноклассников Толю Яновского отличали приятная внешность, воспитанность, слава победителя городских творческих олимпиад. Уже в 1934 году он начал печататься – в газете «Орловская правда» было опубликовано его стихотворение «Партбилет». Через год

в ленинградском журнале «Резец» появились его стихотворения из цикла «За шахматами», в которых нашли отклик события в Испании. Сотрудник «Орловской правды» Борис Гершун приобщил дуэт Афонин-Яновский к журналистике, с 1936 года на страницах газеты регулярно появлялись их заметки о школьной жизни.

Обычное ученическое приятельство переросло в большую дружбу ещё на излёте 1920-х годов, и однажды, придя на Дворянское гнездо, два юных школяра, совсем как Герцен и Огарёв когда-то, у обрыва на закате солнца, «в виду всего города» поклялись в вечной дружбе.

Мечтой Анатолия было поступить в военную авиационную школу, но, видимо, по здоровью он не прошёл, и потому вместе с Леонидом Афониним отправился в столицу, учиться на гуманитария. Летом 1937 года сдали экзамены в знаменитый Институт философии, литературы и истории, поселились в общежитии на улице Усачёва – в тихом уголке Москвы, где студентам так хорошо мечталось, верилось в будущее.

Учились друзья на литературном факультете, но Анатолию одного этого было мало – он поступил заочно ещё и на искусствоведческое отделение. Вот отрывок из воспоминаний однокашника-земляка: «Учение было страстью. Спешили учиться и мыслить. Мы сидели до закрытия в библиотеках Москвы и в кабинетах ИФЛИ. А безобразно укороченного рабочего дня и выходных в этих библиотеках тогда не было. Закрывались они в 23 часа, а некоторые – в 23 часа 45 минут».

Гроза репрессий не миновала и ифлийцев. В конце сентября 1938 года Афонина и Яновского арестовали. Лубянка, Таганская тюрьма, бесконечные допросы, пытки – следователь бил Анатолия по голове и требовал чистосердечного признания... Обвинение строилось на показаниях соседа по общежитию: «Когда по радио выступали руководители партии и правительства, Яновский вырвал вилку репродуктора из розетки, чтобы не слушать их речи... Высказывался критически о выборах в Верховный Совет... Издевался над поэзией Лебедева-Кумача». Вывод следствия неумолим: раскрыта «политическая организация, шайка, созданная ещё в Орле и продолжающая свою антисоветскую деятельность в столице Советского Союза».

Не терявший мужества отец Анатолия нашёл адвокатов, которые яростно сражались за моло-

дых орловцев на суде, начавшемся в Москве в апреле. На скамье подсудимых Анатолий предстал перед родными сильно изменившимся. Как и Леонид, выглядел он очень плохо...

Спасло заступничество секретаря комитета комсомола ИФЛИ Александра Шелепина – «железного Шурика», который в скором будущем станет руководителем комсомола страны, а затем секретарём ЦК КПСС, председателем КГБ СССР. Если бы Шелепин подлил масла в огонь, то приговор был бы самым жёстким. Но в итоге суд оправдал студентов.

Афонины и Яновские-старшие для вернувшихся сыновей сняли домик на берегу Рыбницы – там друзья провели остаток весны и лето. Купались, загорали, читали. А заодно каким-то новым взглядом видели окружающую жизнь – то, например, как небогато живёт орловская деревня, хотя на дворе 22-й год советской власти. Как крестьяне работают в колхозе из-под палки. Как не совпадают бодрые рапорты по радио с реальной действительностью.

Желанное освобождение не решило всех вопросов. И хотя студентов восстановили на 2-м курсе, внимательные однокашники нередко стали замечать у Анатолия недоброе молчание, озлобленность. Спасительной для него стала подработка – он частенько навещался в редакции «Вечерней Москвы» и «Учительской газеты», печатал там свои заметки. А с октября 1940 года стал внештатным литературным консультантом отдела писем журнала «Октябрь».

Когда началась Великая Отечественная война, ифлийцы, как это было в начале советско-финской, дружно пошли в военкомат записываться добровольцами. Кого-то отправили на фронт, многих – в военные училища. Яновского и Афонина по состоянию здоровья пока оставили в институте, а затем послали в Каширский район Московской области на уборку урожая.

Фронт стремительно приближался к столице, студенты уезжали на восток страны. Но Яновский всё ещё оставался в Москве, по-прежнему учился, даже устроился для подработки истопником в Художественный театр. У него теперь была особая причина не уезжать – в институте познакомился со студенткой Зинаидой Сидельниковой. Возникла взаимная симпатия, вместе они уехали в Среднюю Азию, куда перевели ИФЛИ. Здесь поженились.

На новом месте Анатолий не только учился, но и с ноября 1941 года работал корреспондентом отдела «Последние известия» радиокомитета при Совнаркоме Туркменской ССР («обслуживал шелкомотальные и ковровые предприятия»), лаборантом в оспенной лаборатории. Вскоре после получения диплома (специальность – научный работник в области русского языка и литературы, преподаватель вуза), в ноябре 1942 года его призвали в действующую армию.

Всем известно, что фронтовики не любили рассказывать о войне. Мои нынешние попытки «восстановить» боевой путь Яновского столкнулись со скудостью доступных фактов. Принимая во внимание его официальную биографию (справочник «Писатели Орловского края»), автобиографическую прозу, воспоминания тех, с кем работал и общался Яновский, автор этого очерка первоначально выстроил следующую версию.

По удивительному совпадению Яновскому предстояло принять боевое крещение на родной, орловской земле в составе 73-й стрелковой дивизии. Его как знатока немецкого языка вначале назначили рупористом – то есть ответственным за контрпропагандистскую работу в войсках противника. Укрывшись на нейтральной полосе в поле где-нибудь в районе Русского Брода, Покровского или Змиёвки через жестяной рупор обращался к вражеским солдатам с призывами складывать оружие и сдаваться в плен. В одной из своих повестей Яновский наделил этой необычной воинской профессией главного героя Алексея Ковригина: «Воронка оказалась глубокой, Алексей огрѐб землю с одного края ямы и установил рупор. Пересохшими губами прильнул к холодному металлу... Не спеша, стараясь соблюдать произношение, передал последнюю сводку Совинформбюро, сообщил имена солдат, добровольно сдавшихся в плен, призывая немцев последовать их примеру».

Яновский подготовил целую команду рупористов, вместе с пехотинцами участвовал в каждодневных боях. В разведзвезде боец Алексей Филатов так мечтал дойти до родного села Философова, увидеть семью, шагнуть в дверь родной хаты. Когда же красноармейцы с боем вошли в село, на месте дома бывшего плотника-Филатова увидели только пепелище, а сельчане рассказали, что фашисты убили всю его семью. Сочувствуя горю однополчанина, Яновский написал стихотворение и отдал его в редакцию дивизионной газеты.

*Те же дороги с пылью примятой.
Старый запущенный сад.
Где же мой дом?
И запах лишь мяты,
Да чёрные брёвна лежат.*

*Ненависть, сердце моё, облегчи ты,
Как душную ночь освежает гроза.
Не дам я пощады немецким бандитам,
За всё отомщу до конца.*

Стихотворение вскоре появилось на страницах газеты «За Советскую Родину!» Публикация эта имела ключевое значение для последующей военной судьбы Яновского. Дело в том, что во время очередной агитационной акции он попал под обстрел противника, получил контузию. Предстояло провести какое-то время на койке в медсанбате, но у дивизионного начальства были свои виды на младшего лейтенанта (как раз подоспело офицерское звание) – ему прочили должность переводчика при штабе. Тогда же был тяжело ранен один из сотрудников редакции, и редактор газеты поставил вопрос ребром: Яновский должен стать военным журналистом, к тому же кто, как не он, напишет гимн дивизии?

Редактировал газету 38-летний Владимир Игнатъевич Туркатов, родом из села Алексеевки, что под Навлей. Выпускник Брянской партшколы, до войны он работал в Ленинградском горкоме партии, в дорожно-строительной организации в Свердловске. Майор Туркатов опекал молодого сотрудника «дивизионки», учил его азам фронтовой печати. Человек исключительного мужества, редактор не страшился постоянно быть на переднем крае, чего требовал и от подчинённых.

Но здесь вместо точки приходится поставить многоточие. Так ли на самом деле складывалась фронтовая биография Яновского? Обращение к личному делу журналиста, хранящемуся в текущем архиве редакции газеты «Орловская правда», заставляет взглянуть на первоначальную версию несколько иначе. Так, в «Листке по учёту кадров» (январь 1946 года) Яновский указал: «Ноябрь 1942 г. – октябрь 1943 г. – литературный работник газеты “За Советскую Родину”, октябрь 1943 г. – январь 1946 г. – ответственный секретарь газеты “За Советскую Родину”... контужен в январе 1944 г.». То же указано и в приложенной автобиографии, в следующей автобиографии и «Листке по учёту кадров» – за ноябрь 1946 года, в «Листке по учёту кадров»

за октябрь 1949 года. Аналогично – автобиография и «Листок...» в апреле 1953 года, ряд других документов. Казалось бы, трактовка однозначная и многократно подтверждённая. Но вот в автобиографии, датированной апрелем 1972 года, появляется иная версия: «В качестве рупориста-автоматчика участвовал в Орловской битве, работал некоторое время переводчиком полка по разложению войск противника (7-й отдел). После контузии в 1944 г. (январь) окончательно перешёл на работу в редакцию дивизионной газеты “За Советскую Родину”, работал лит. сотрудником и ответ. секретарём» (7-й отдел – подразделение Главного политического управления Красной Армии. – А.К.).

В представлении Яновского к медали «За боевые заслуги» редактор газеты майор Туркатов писал весной 1944 года: «Во время наступательных боёв дивизии большую часть своего времени находился в наступающих подразделениях, организуя материалы для газеты, популяризуя героев боёв и боевой опыт лучших подразделений. В августе 1943 года в составе 2-го батальона 471-го стрелкового полка в районе Крымский Бугор Сумской области переправлялся на правый берег реки Десна, где организовал оперативный материал для газеты. В октябре 1943 года в районе Ветки Гомельской области переправлялся на противоположный берег реки Сож, где также организовал материалы из подразделений, первыми форсировавших водный рубеж. В феврале 1944 года в составе 3-го батальона 392-го стрелкового полка участвовал в прорыве обороны в районе Поганцы Паричского района Полесской области, где, несмотря на непрерывающиеся бои, непосредственно с передовых позиций организовывал необходимый материал для газеты». Паричский район сегодня – территория Светлогорского района Гомельской области, здесь на братских могилах в списках значатся более 1110 имён, многие погибшие бойцы до сих пор остаются безымянными. Там же, в Белоруссии, в июне 1944-го года сложил голову и сам редактор Туркатов. Дивизия всегда была в огненной буре войны – все четыре её командира погибли в боях.

Будущий писатель воевал на Брянском, Центральном, 1-м, 2-м и 3-м Белорусском фронтах. В наградном листе – представлении Яновского к ордену Отечественной войны 2-й степени (январь 1945 года) говорилось: «При прорыве обороны противника в рай-

оне Шляхецка, ДомбровкаМакувского повета Варшавского воеводства 14-17 января 1945 года находился в боевых порядках 413-го стрелкового полка, где организовал важнейшие оперативные корреспонденции, мобилизующие на ещё большие подвиги всех бойцов». И хотя все вышестоящие командиры подписали представление на орден Отечественной войны, в итоге молодой военный журналист был награждён орденом Красной Звезды. На его гимнастёрке, помимо первой медали, засияли медали «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

После победы Центральный комитет ВКП(б) направил Яновского в «Орловскую правду». Вначале исполнял обязанности ответственного секретаря, затем стал заведующим отделом культуры и быта. В редакции встретил своих однокашников по ИФЛИИ Владимира Комова и Василия Рослякова. Трогательной была первая послевоенная встреча с вернувшимся в Орёл Леонидом Афониным. Один из их общих друзей вспоминал: «Толя, как и прежде, был красив и строен. Лишь лёгкая седина в висках и сильнее, чем в студенческие годы, заикающаяся его речь напоминали о том, что время не стоит на месте, и о нелёгких испытаниях, которым оно подвергает людей. Толя был полон энергии, сил и творческого подъёма».

Ифлийская подготовка давала уверенность в том, что вполне по силам штурмовать не только газетные, но и литературные вершины (напомним, что уже в 1950-е годы примут в Союз писателей и Рослякова, и Комова, а в 1960-м – Афонина). Ещё в то время, когда Орёл был освобождён от фашистских захватчиков, Яновский стал посылать свои фронтовые очерки в «Орловскую правду». По живым впечатлениям были написаны рассказы об Орловской битве (один из них – «Беспокойная душа» – посвящён фронтовым журналистам и наборщикам военной типографии).

Героизму участников Орловской битвы, событиям, происходившим в грозную годину войны на родной земле, была посвящена пьеса «Первый салют», написанная в соавторстве с коллегой по редакции Е.К. Горбовым. Пьесу напечатали в 3-м выпуске «Орловского альманаха», поставили на сцене областного театра. Литературовед М.В. Минокин писал в своей рецензии: «Авторы пьесы взяли на себя благороднейшую задачу – показать борьбу советских людей с гитлеровскими бандитами в оккупированном Орле,

на фронте и в партизанских отрядах. И с этой задачей Е. Горбов и А. Яновский в значительной степени справились... Пьеса, правдиво воспроизводящая события тех памятных дней, захватывает читателя. Отдельные эпизоды подчас искусственно связаны между собой. Этим и объясняется то, что в каждом действии происходят случайные, неоправданные встречи... Нельзя строить ситуации на случайном, исключительном, они должны подчёркивать логику развёртывающихся событий, закономерную их связь между собой».

В 1952 году рассказы Яновского об Орловской битве «На подступах к городу» были изданы отдельной книгой. Казалось бы, сделан ещё один верный шаг на пути к заветному писательскому билету. Но удача отвернулась от молодого автора. В июле 1953 года в газете «Известия» появилась реплика М. Приваленко с заголовком-приговором «Серая книга»: «В рассказах А. Яновского люди слишком уж легко совершают подвиги. Без особых усилий сержант Лысенко уничтожает пятерых вооружённых гитлеровцев. Танковый экипаж старшины Кончадалова словно чудом, а не благодаря воинскому мастерству одерживает победу. В результате создаётся ложное впечатление, будто всё на фронте – дело случая... Серьёзнейший недостаток книги А. Яновского – неумение автора живо писать яркие человеческие характеры... Автор называет лишь фамилии людей, характеристики же их крайне общи... Очень часто А. Яновский живое, наглядное изображение действительности подменяет сухим изложением фактов».

За репликой последовали соответствующие выводы. Дело это давнее, мало уже осталось живых свидетелей, могущих пояснить, что же произошло на самом деле. Но вот пара примеров: когда мне в начале 2000-х годов довелось работать в Курской областной библиотеке имени Н.Н. Асеева, я обратил внимание на раздел каталога, посвящённый книгам, возвращённым к тому времени из спецхрана (спецотдела библиотека, доступ куда в советское время можно было получить только научным и идеологическим работникам по особому ходатайству с места службы). Именно в спецхране в Курске хранилась... первая книга Яновского. Более того, она вообще не указывалась в библиографии автора в орловских писательских справочниках 1968 и 1981 годов.

Попал под огонь критики Яновский и на межобластной конференции писателей Средней полосы РСФСР (Воронеж, июнь 1954 года). Вместе с поэтами Дмитрием Блыньским и Игорем Ивановым он тогда демонстративно уехал из Воронежа, не дождавшись завершения форума.

Что и говорить, суровое начало творческой биографии! Но Яновский не сдавался. Он вошёл в состав областного литобъединения, которым руководили Евгений Горбов, а потом Иван Солдатов, причём был одним из наиболее активных членов объединения – его рассказы здесь постоянно обсуждались. К тому же Яновский отвечал за подготовку литературных страниц в газетах «Орловская правда» и «Орловский комсомолец», выступил редактором коллективного сборника поэзии «Наше утро» (Орёл, 1955). В драмтеатре поставлена пьеса Яновского «Трудный случай» о жизни студенческой молодежи (получила одобрение на III Всесоюзном совещании молодых писателей, делегатом которого он был). В 1956 году вышла в свет повесть «Последняя ставка», рассказывающая о борьбе подпольщиков в оккупированном городе. События, о которых шла речь: поджог обувной фабрики, взрыв в гостинице, казнь подпольщи-

ков в Первомайском сквере, – давали читателю возможность почувствовать, что изображаемый город – Орёл. Владимир Громов писал об этой книге: «Главное, что привлекает в повести, – её отдельные свежие запоминающиеся характеры... автор не упускает самого главного – внутреннего развития своего героя. Он внимательно прослеживает и раскрывает процесс становления сильного самостоятельного характера... Досадно лишь то, что в повествовании подчас не выдерживается, беспричинно нарушается удачно найденный, правильно и хорошо взятый тон. Ни с того ни с сего писатель вдруг начинает опасаться, что может остаться не до конца понятым смысл изображаемого. Иногда он стремится сам за читателя исчерпывающе высветлить идейную функцию того или иного эпизода, прибегая с этой целью к языку из плохих газетных передовиц».

В 1958 году в Орле была издана повесть Яновского «Двойники в пустыне». На её выход довольно благожелательно откликнулся в «Орловской правде» писатель Владимир Канивец, живший в то время в Орле. И тут же под огонь критики попали и редакция областной газеты, и её сотрудники – авторы книжных новинок. В центральной «Правде» Юрий Чаплыгин в апреле 1959 года разразился целым фельетоном «И звезда с звездой говорит...», где, в частности, были такие строки: «Казалось, раскритикованные персонажи пошлых детективных романов, изгоняемые из наших издательств, теперь снова обретают приют. Гостеприимный автор книги «Двойники в пустыне» широко распахнул перед ними страницы своей новой повести».

Последовало бурное обсуждение истории в обкоме КПСС: Яновский получил взыскание, руководству «Орловской правды» было указано и т.д. Самое досадное, что произошло всё это в то самое время, когда в Орле создавалась писательская организация, был реальный шанс вступить в Союз писателей. Но после критики на всю страну даже и пытаться сделать это было уже невозможно, причём накал не остывал несколько лет. Хотя, например, с одобрением была встречена критикой повесть «Горнисты идут впереди» (Орёл, 1961). В ней были использованы подлинные материалы участников похода по местам боёв лётчиков французской эскадрильи «Нормандия», принимавших участие в Орловской битве, переписка с ветеранами полка «Нормандия-Неман», рассказы очевидцев.

Яновский в итоге пережил многолетнюю волокиту с приёмом в Союз писателей, несмотря на то, что его первое стихотворение появилось в печати ещё в 1934 году, к тому же он имел профессиональное литературное образование, много лет работал в военной, а затем областной газете.

В июне 1963 года Леонид Афонин ходатайствовал о Яновском перед руководителем Смоленской писательской организации, имевшим вес в Москве, Николаем Рыленковым: «Ему-то давно пора быть в Союзе. Яновский – автор пяти книг, двух пьес, человек способный, думающий. Были в его работе и срывы, но больше хорошего, добротного... Я очень боюсь – примут ли его, не будут ли снова вспоминать его действительно неудачную, теперь уже четырёхлетней давности книжку «Двойники в пустыне»? А если вспомнят, то откажут в приёме... Я убеждён крепко, что Яновский достоин быть в Союзе, что он человек литературе нашей нужный».

И ещё строки из письма того же года Афонина Рыленкову: «10 декабря в Москве я, к сожалению, не смогу быть. Но зная, что Вы в этот день будете в столице, обращаюсь к Вам с большой просьбой. В этот день приёмная комиссия будет разбирать дело А.Н. Яновского. Не будете ли Вы, Николай Иванович, на этом заседании, не замолвите ли словечко за Анатолия Николаевича, который имеет полное право принадлежать к писательской семье. Я бы не обращался к Вам с этой просьбой, если бы знал, что Вы думаете иначе...»

В 1964 году второе издание книги «Горнисты идут впереди» вышло в Москве, в следующем году Яновский был принят в Союз писателей. Однако положение его в Орловской писательской организации было, что называется, наособицу – в то время он практически не ездил по районам в составе писательских групп, выступавших на предприятиях, в школах и библиотеках (в районах бывал в качестве сотрудника редакции), не писал рецензии на рукописи начинающих авторов, не вёл занятий в литобъединении. К тому же его должность завотделом культуры «Орловской правды» предполагала некое кураторство над писателями: при случае имел полное партийное право выступить с критикой организации на страницах газеты. Впрочем, этим правом Яновский не пользовался, обходясь обзорами творческой жизни

региона (например, обозрение «У литературной карты» – октябрь 1966 года), подготовкой еженедельных литературных страниц в газете.

1960-е годы оказались для Яновского богаты на новинки, причём адресованы они были в основном детям и юношеству: очерк об истории завода «На бывшей окраине» (Орёл, 1960), очерк об истории кромского колхоза «Свет новой жизни» (Орёл, 1960), сборник рассказов «Серебряный портсигар» (Орёл, 1963), повесть «Наследники» (Тула, 1964, процитируем Л. Афонина: «книга честная, нужная»). По повести «Приключения Сеньки-Чапая» (Тула, 1966) Свердловской киностудией был снят фильм, который демонстрировался по Центральному телевидению СССР. А ещё писатель много лет сотрудничал с Агентством печати «Новости», его очерки об Орловщине и рассказы были переведены на французский, немецкий, финский, норвежский, венгерский, чешский, монгольский, польский и другие языки.

Но подобная «плодовитость» вызывала и негативные отклики. Так в своей сатирико-фантастической повести «Антиграст» Евгений Горбов сделал одним из главных героев Олега Сладковского – заведующего отделом культуры областной газеты. Есть в повести такая сцена: директор местного издательства предлагает Сладковскому издать его трехтомник – избранные очерки, репортажи и отчёты. Горбов не жалеет иронии, показывая реакцию коллеги: «Придя домой, Сладковский поднял весь архив, всё, написанное за двадцать лет. Он бережно перебирал старые, пожелтевшие вырезки. В каждой из них отразилась какая-то частица его жизни. Вот он написал об открытии новой школы. Это – репортаж из сельской агитбригады... Это – очерк о заслуженном учителе... Через несколько месяцев трёхтомник вышел в свет. Сладковский осторожно, как новорождённого цыпленка, взял в руки солидную книгу в толстом синем переплете и, задыхаясь от волнения, прочитал свою тиснённую золотом фамилию. Потом заглянул в содержание. Целая колонна заголовков: «Школа на новом этапе», «Смотр народных дарований», «Книгу – в каждую рабочую семью», «В село приехала передвижка», «Городское совещание учителей»... Чем не книга? Пусть без всяких писательских ухищрений, без птичек и ручейков, но зато вся на точных фактах. Сладковский горделиво улыбнулся и поставил свой трёхтомник на

книжную полку – рядом с томиками Пушкина и Белинского».

В конце лета 1968 года в газете «Орловский комсомолец» появилась публикация писателя Евгения Горбова под названием «Верхом на канистре: размышления над тремя книгами» с критикой Яновского по поводу непрофессионального отношения к своему творчеству (довольно сложно определить жанр объёмистой публикации – сатирическая рецензия, фельетон, памфлет?). Как вспоминают очевидцы, выступление газеты вызвало в Орле бурную реакцию. Подвести черту под нешуточным конфликтом было призвано писательское собрание, тем более, что в редакционном послесловии говорилось: «Редакция надеется, что выступление газеты станет темой серьёзного разговора в Приокском книжном издательстве и в Орловском отделении Союза писателей РСФСР».

Нет смысла пересказывать довольно объёмистую стенограмму собрания, приведу только отрывок из выступления Петра Проскурина, который тогда жил и работал в Орле: «Статья написана раздражённо. Если бы товарищ Горбов, зрелый писатель, зрелый человек, вполне объективно, вполне доказательно разобрался с недостатками в творчестве Яновского, разобрался со всей достоверностью, он не пошёл бы по этому пути, а пошёл он по пути обвинительного акта. Он называет Яновского халтурщиком. Бездоказательно. Согласен с Яновским в том отношении, когда из повести делает рассказ, из рассказа делает пьесу – это закономерный литературный процесс. Появляется замысел, выкладывается рассказ. Проходит год, материал углубляется, писатель пишет пьесу. Например, Крутилин, Гончар с «Тронкой», Алексеев, Владимир Фёдоров – «Сумка, полная сердец». Здесь статья в некотором смысле просто недобросовестная. Когда называют человека чуть ли не стяжателем без доказательств, это смахивает на хулиганство. Просто, товарищ Горбов, нужно хорошо знать то, что никто ещё не опроверг... В творчестве Яновского есть вещи. Я прочитал три книжки, вы можете не запомнить, я запомнил. «Горнисты идут впереди», «Наследники», «Приключения Сеньки-Чапая». Прочитал эти книжки. Есть вещи, за которые нужно критиковать, нужно указать [на недостатки]. Если бы рецензент попался более объективный, заинтересованный в духовном росте писателя, он мог бы избежать многих досадных вещей. Можно

было не так казённо. В основном книжки детьми будут читаться, и мною читались с приятным чувством. В них много патриотического, много сделано хороших страниц, хороших рассказов, хороших кусков. А когда так, так можно просто убить... Я хочу подвести итоги. Статья мне кажется недоброжелательной, в некоторых аспектах хулиганской. С членами Союза так разговаривать нельзя. Бездоказательна. Там Яновский назван халтурщиком, стяжателем, портняжкой. Есть же нормальные, человеческие отношения. Я считаю, что книга Яновского не заслуживает такой критики. Она заслуживает доброжелательного разбора, нормального, критического. Она принесёт свою пользу детям. Если читать с позиции взрослого человека, имеется эта детскость. Трудно писать для детей. Дети по-другому видят. Это как раз то, что нужно».

Так, в нешуточной борьбе, столкновениях с критикой, в поисках сюжетов и героев шло становление Яновского-писателя. Он постепенно уходит от авантюрного жанра, от приключений, всё больше тяготеет к военно-революционной тематике, жанру очерка, короткой документальной повести.

Не забудем и о том, что Яновский при этом всегда оставался журналистом. Невозможно перечислить все его статьи и очерки, рецензии, фельетоны, газетные отчёты о значимых событиях в сфере культуры и искусства Орловщины. Чтобы дать современному читателю хотя бы эскиз этой многогранной деятельности, назову десяток-другой тем публикаций Яновского во второй половине 1960-х годов. В 1967 году он пишет, к примеру, о Болховском педучилище и улице Лескова в Орле, о писателе А. Германо, революционере Б. Волине и современнике – враче-урологе из областной больницы. В 1968-м – о торжествах в честь 200-летия со дня рождения И.С. Тургенева, о посвящённой этому научной конференции и новой экспозиции музея, о достопримечательных тургеневских местах, о новых книгах, приуроченных к знаменательной дате. А ещё очерк об учёном-революционере П. Штернберге, отклик на книгу Г. Родина «По следам минувшего». В 1969-м – очерк о колхозе имени А. Бадаева, очерки о нарышкинских педагогах и краеведах, репортаж из культпросветучилища, очерки о художниках, зарисовка о литературоведе В. Громе, заметки о книжных новинках, о культработе в Болхове (при-

чём злая критика за невнимание к памяти поэта Апухтина), рецензия на книгу П. Курсова «За тебя, крылатый город!»...

Старейшая орловская музейщица Н.М. Кирилловская вспоминала о Яновском: «Интеллигентный, милейший человек, с мягкими манерами, тихим голосом и застенчивой улыбкой, он мог быть весьма твёрдым, когда дело шло о защите культурного наследия Орловского края. Анатолий Николаевич был одним из тех журналистов, кто в своё время много писал о необходимости восстановления усадебного дома Тургенева в Спасском-Лутовинове, о создании музеев Лескова, Бунина, о проведении Фетовского праздника».

И попутно несколько слов Кирилловской о супруге писателя Зинаиде Яковлевне, много лет работавшей в Орле редактором книжного издательства: «Обаятельная женщина с лучистыми голубыми глазами, всегда с улыбкой, скромно, но со вкусом одетая, но и не синий чулок». Супруги воспитали трёх дочерей. На рабочем столе Сидельниковой за три десятилетия получили путёвку в литературу рукописи едва ли не всех орловских писателей. Её фамилия – в выходных сведениях сотен книжек областного и Приокского книжных издательств...

Каждодневное соединение газетной и литературной работы при кажущемся удобстве (рабочий тонус, обилие тем и документального материала, широта общения и т.д.) несло и немалые риски. Неслучайно из «Орловской правды» так или иначе ушли писатели Дмитрий Блинский, Евгений Горбов, Василий Катанов, Иван Подсвилов, Леонард Золотарёв... Но Яновский, как стойкий часовой, оставался на редакционном посту, служа и журналистике, и литературе.

Один из его земляков и однокашников по институту размышлял о прозе Яновского тех лет: «Настораживали языковая небрежность, газетные штампы. В юные годы, сочиняя стихи, Анатолий был более требователен к себе, и язык их был куда самобытнее, образнее, ярче». Как пример процитирую повесть «Юность без упрёка»: «Война внесла коррективы во все области человеческой жизни. Люди стали ближе друг к другу в тех маленьких радостях, которые выпадали на их долю, а особенно в горе, в страданиях. Жизнь продолжалась, и никакие беды не могли остановить её движение вперед.

Студенты охотно шли на выручку друг другу, старались помочь, чем могли». Вроде бы всё правильно сказано, но, действительно, по-газетному сухо. Наверное, о том, как война обжигала души людские, в художественном произведении надо говорить иначе. Однажды Леонид Афонин высказал мысль о том, что Яновскому лучше было бы вернуться к поэзии. Тот парировал: «Да, в моих книгах много газетного. А ведь и у других это есть!» Так возникла трещина в старой дружбе, тем более странная «трещина», если учесть, что Афонин был, пожалуй, самым активным автором «Орловской правды», его материалы всегда готовил в печать Яновский.

С другой стороны, Яновский видел, что сам Афонин становится всё резче, не поддакивает власти (чего стоит его недоумение по поводу партийного закрепления каждого писателя за конкретным комбайном на жатве!), пишет в центральные «Известия» о проблемах сохранения культурного наследия в Орле. Вот строки из письма Афонина начала 1970-х годов старому знакомцу: «С Толей я дипломатические отношения поддерживаю, порою они проходят в «тёплой дружественной обстановке» (избитая фраза из газетных отчётов о встречах Брежнева с иностранными делегациями. – А.К.), но дух дружбы настоящей отлетел от них, и, вероятно, несколько по моей вине... Обидно порою бывает, что этим, мягко говоря, прагматизмом заражены бывают и люди нашего поколения, вроде хорошо известного тебе Толи, который старательно не допускает на страницах «Орловской правды» всё, что в похвалу мне».

Приведу подборку отрывков из откликов на книги Яновского 1970-х годов.

М. Селезнёв о книге «Юность без упрёка»: «Напоминая о войне, развязанной фашистской Германией, книга Анатолия Яновского зовёт к бдительности и сплочению, к активной борьбе против происков империалистов, пытающихся закабалить свободолюбивые народы Индокитая, Ближнего Востока, проводящих политику проволок в достижении соглашения о запрещении средств массового уничтожения» (Орловская правда, 1971, 26 июня).

В. Катанов о книге «Марсово поле»: «Новая книга написана в основном на орловском материале. Автор пишет о том, что хорошо знает, что обстоятельно изучил. Можно говорить о некоторой очерковости или сюжетной усложнённости некоторых рассказов, но не это главное. Книга

прежде всего привлекает внимание верностью героев и автора родному краю, идеалам старшего поколения, настойчивым поиском истинных судеб» (Орловские были // Орловская правда, 1975, 5 сент.).

В. Громов о книге «Среди полей русских» (повесть под этим названием Яновский предварил посвящением «Другу моему Леониду Афонину»): «Не отступая от реальных фактов, автор умело высвечивает в них то, что открывается перед новыми поколениями сквозь даль времён, дающую возможность, говоря словами поэта, стереть случайные черты и увидеть истинно прекрасный мир, преобразованный в огне революции... Животворный пафос дружбы народов, пафос интернационализма соединяет в одно целое тему революционного и военного прошлого с трудовой героикой наших дней» («Среди полей русских» // Орловская правда, 1979, 6 мая).

В. Катанов: «В книге «Среди полей русских» почти соседствуют строгая, даже суховатая документальность с художественным вымыслом. Упрекать автора в документализме, на наш взгляд, дело лишнее. Наоборот, хотелось бы автору, человеку большого жизненного опыта, пожелать продолжить поиск новых реальных сюжетов из истории края» (Слово о подвиге // Орловский комсомолец, 1979, 6 июля).

А вот совершенно иной, критический отзыв об этой книге самодеятельного литератора из Тульской области Н. Андрияшина: «Характер героя не раскрыт, да и не герой это, а типичная маска «доброты». Особой изобретательности в сюжете и выдумывании комических ситуаций автор тоже не проявил – повесть составлена из старых штампов и анекдотов» (Цезарь... в маске доброты // Литературная Россия, 1980, 29 февр.).

В то же время лауреат Государственной премии СССР, секретарь правления Союза писателей СССР, бывший ректор Литинститута Виталий Озеров писал Яновскому: «Очень рад, что Вы подарили мне «Среди полей русских». Сегодня прочитал книгу и хочу порадоваться за Вас – писателя с зорким видением людей в самых характерных для них положениях и поступках».

Привожу эти разноречивые, разноплановые отклики как пример для современного литератора: мнения со стороны могут быть диаметрально противоположными, нередко просто

конъюнктурными, имеющими к литературе самое косвенное отношение. И потому право самого автора – делать или не делать из них выводы.

Парадоксально, но спустя 20 – 30 лет литература нон-фикшн (сюжеты строятся на основе реальных событий) буквально расцвела: в этих жанрах ныне работают тысячи писателей, издаётся множество востребованных аудиторией книг и журналов, экраны заполнили историко-документальные фильмы. Вспоминает ли кто из современных тружеников на этой ниве, с каким трудом литература этого рода пробивалась к признанию в 1960 – 1970-е годы? Сколько было упреков в нехудожественности, отсутствии ярких образов, устарелости и т.д.? Так или иначе эта коллизия сказалась тогда и на творческой судьбе Яновского.

Уже на закате его журналистской карьеры произошёл очередной казус. Готовя литературную страницу, Анатолий Николаевич заверстал в неё стихотворение о Спасском-Лутовинове поэта-фронтовика Евгений Зиборова, бывшего руководителя Орловской писательской организации, который к тому времени переехал на жительство в Калининград. Казалось бы, что криминального в добром отношении к коллеге-земляку?

Как гром среди ясного неба прозвучал обзор печати «Писатель и газета» в одном из ноябрьских номеров центральной «Правды» за 1978 год. Обозреватель М. Синельников писал тогда: «Орловщина — край богатых литературных и культурных традиций, земля Тургенева, Лескова, и вполне закономерно внимание к прошлому со стороны авторов и редакции «Орловской правды». Однако бывает, что прошлое почти безраздельно властвует на страницах, посвящённых литературе и искусству. Спору нет, интересно и полезно познакомиться с разысканиями об отношении Тургенева к музыке, к народной песне или с заметками об иллюстрировании Лескова Репиным и Добужинским. Но вряд ли правомерно, чтобы подобные материалы составляли основу страниц, а современности отводилось место скромное. Редакция считает уместным крупно, в центре страницы подать стихотворение, в котором явную нехватку поэтических достоинств должна, видимо, искупить «тема». Воображению автора стихотворения Е. Зиборова рисуется Тургенев, приходящий

в сегодняшнее Спасское-Лутовиново. Поэт хочет выразить добрую в своей основе мысль о вечной, нетленной связи великого орловца с родной землёй. Однако очень уж опрошённым видится Е. Зиборову Тургенев: «красивый человек, свою кончину переживший», он «идёт, отринув (!) Виардо, бессонье, горечь размышлений...» А в Спасском писателя встречает лишь то, что ему хорошо знакомо: «роздымь полей», «напев неприхотливый», «И где он — наш двадцатый век?» Что ж, и нам впору задаться подобным вопросом, — только, понятно, совсем в ином эмоциональном ключе, не восхищаясь, а недоумеая...»

На голову Яновского, уже более трёх десятков лет руководившего отделом культуры, обрушился ворох обвинений. В редакции «Орловской правды» был издан грозный приказ № 139 от 8 декабря 1978 года: «В газете «Правда» были повергнуты критике страницы «Литература и искусство», публикуемые в «Орловской правде». Как отмечалось в статье, порою слишком большое число материалов в этих полосах посвящается событиям прошлого, в газете редко выступают писатели с произведениями и статьями, отражающими проблемы современности... Обязать отдел культуры (т. Яновский А.Н.) принять необходимые меры к улучшению содержания страниц «Литература и искусство» с учётом замечаний, сделанных газетой «Правда», необходимо регулярно публиковать произведения писателей, посвящённые важнейшим темам развития экономики и культуры области, рассказы и очерки о наших современниках».

Нет, Яновский не впрягся в новый поход «повышения» и «улучшения». Летом следующего года, сразу по достижении 60-летнего возраста, он ушёл из редакции на заслуженный отдых. Проводы были вполне торжественными, хотя и, прямо сказать, поспешными: юбиляру назначили персональную пенсию, наградили Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР (в 1985 году был награждён орденом Отечественной войны I степени). Он остался на партийном учёте в редакции, нередко приходил на встречи ветеранов.

Лично я, работая с середины 1980-х годов корреспондентом в редакции «Орловской правды», достаточно часто видел Яновского в Доме печати. Более того, трудиться довелось в идеологическом отделе – преемнике отдела

культуры. Но вот парадокс: не помню такого дня, чтобы Анатолий Николаевич зашёл к нам в кабинет, поинтересовался новостями, поделился мыслями о газете. Нет, встречались мы только на собраниях, где-то в редакционных коридорах или на ступеньках у входа. И не сказать, что так уж суров был старик Яновский. Скорее, нет. Мне кажется, приглушённая годами врождённая скромность не пускали его вот так, запросто зайти к редакционной молодёжи, завести разговор. Что ж, наступали новые времена, в ходу была перестройка...

Для самого Яновского последнее десятилетие жизни было вершиной мудрости и временем самого доброго отношения к миру. Писатель Иван Рыжов вспоминал: «К «младшим» был отзывчив, доброжелателен. Будучи почти бесшумным уполномоченным Литфонда в нашей области, он постоянно хлопотал о квартирах писателям, путёвках в Дома творчества, санатории, о материальной помощи. И, как правило, всё ему удавалось... А ещё вспоминаются наши поездки по весям и городкам Орловской области, как встречали нас – тепло, дружелюбно. Встречи проходили на токах, прямо в поле, на фермах – и везде его слушали с вниманием, заинтересованно. После этих нелёгких выступлений уезжали куда-нибудь в лес, на опушку, или к тихой луговой речке, откупоривали бутылку водки и любовались деревьями, этой речкой и слушали, слушали птиц, кузнечиков, глядели и не могли наглядеться на высокое то голубое, то фиолетовое, то синее-синее (в разное время по-разному) небо. И молчали, молчали, изумляясь этой божественной красоте. Нам хорошо бывало в эти минуты».

Виктор Рассохин, вспоминая те блаженные часы, сказал о них – «дорогие встречи». А в мемуарах Леонарда Золотарёва, работавшего с Яновским в редакции, имя наставника упоминается 40(!) раз, более того, героем одной из пьес Золотарёва на военную тему стал лейтенант Яновский...

Этот ряд можно продолжать и продолжать, но доводилось слышать и другие отклики коллег о Яновском. Иные упрекали его за непротивление партийной власти, за непростой характер, за то, что мог осадить сотоварища по перу. Да, в горячем споре на собрании он мог сказать: «Я писал хвалебные рецензии на ваши первые книги, а теперь вижу, что вас одолела звёздная болезнь. Будем откровенны: Пушкиных среди

нас нет. Нам надо быть скромнее, надо выделяться книгами, творчеством, но не себялюбием или эгоизмом».

«В оправдание» Яновского отмечу и то, что в писательской организации он всегда был своего рода громоотводом: брал на себя давление со стороны партийной и светской власти, не отказывался от каверзных поручений, которые другим писателям были совсем не по нраву. К примеру, едва ли не в первый день нового, 1983 года приходит в Орловский обком КПСС приглашение директора Приокского книжного издательства В. Заломкина: «6 января в 10.00 состоится расширенный совет по основным направлениям выпуска художественной и детской литературы в соответствии с требованиями и задачами, определёнными решениями XXVI съезда КПСС, ноябрьского (1981 г.), майского (1982 г.) Пленумов ЦК КПСС, постановлениями ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства», материалов VII съезда писателей СССР, рекомендаций Госкомиздатом СССР и РСФСР».

Перечитайте ещё раз весь сонм этих громогласных «указивок». Так кто же из мастеров слова захочет ехать на два дня из Орла в морозную Тулу, чтобы выслушивать бесконечные наставления? Обком КПСС отправляет в поездку исполняющего обязанности ответственного секретаря организации Яновского.

Кто поедет в Москву и проведёт переговоры с еженедельником «Литературная Россия» о публикациях к предстоящим юбилеям орловских писателей-современников? Яновский.

Кто отправится в Покровский райком партии готовить юбилей Дмитрия Блынского? Конечно же, Яновский!

А ему так хотелось отложить все заботы в сторону и заняться любимой работой над текстом. Мечтал, к примеру, возобновить пьесу «Первый салют» на новой сцене Тургеневского театра. Для автобиографической книги о войне собирал материал в Свердловском и Кромском районах. Отрадно, что в 1980-е годы вышло в свет несколько книг повестей и рассказов Яновского: «Костры Бежина луга» (Москва, 1983), «Земля и люди» (Тула, 1984, 2-е издание – Москва, 1987), «"Марсельеза" на орловских улицах» (Тула, 1989).

Московская критика, увлечённая перестроечными публикациями, увы не баловала вниманием эти новинки Яновского. Отклики появлялись в основном в местной периодике, причём бывали странные совпадения. Например, пишет профессор-тургениевед Г.Б. Курляндская: «Содержательность в рассказах А.Н. Яновского сочетается с краткостью. Повествовательный стиль вместе с тем всегда окрашен многообразными оттенками лирического чувства, ясно выражающими всё богатство нравственного отношения писателя к воспроизводимой жизни» (Костры Бежина луга // Орловская правда, 1983, 25 июля). А спустя короткое время в «Орловском комсомольце» появляется очень похожая рецензия московского писателя Андрея Дугинца: «Война в «Кострах Бежина луга» изображается глазами его участника, фронтового поэта и солдата до боли точно, с суровой трезвостью, в крови, в страданиях... Рассказы отличаются краткостью и в то же время многообразными оттенками лирического чувства, полно выражающими всё богатство нравственного отношения писателя к воспроизводимой жизни».

«Орловская правда» в апреле 1984 года отозвалась на книгу «Земля и люди» рецензией Л. Александрова (видимо, за псевдонимом скрывается заместитель редактора газеты А. Логутков): «Автор остаётся верен избранному направлению – вести заинтересованный разговор на самые жгучие темы, показывать прежде всего тех, кто своим самоотверженным трудом преобразует орловские сёла и деревни. Автор не обходит острых углов, он стремится показать, что его герои не какие-то особые люди, а честные, скромные труженики, готовые преодолеть любые трудности в имя общего блага».

Анатолий Николаевич Яновский ещё о многом хотел написать. Но груз военных лет, репрессий, газетной работы и писательских забот уже давно давал знать о себе.

Летом 1990 года Яновский поехал Дом творчества в Крыму. Здесь 2 июля остановилось сердце писателя. Похоронили его в Коктебеле.

Каков итог жизни этого незаурядного человека? Сотни километров фронтовых дорог, Победа и поднятая из руин страна. Два десятка книг, тысячи газетных публикаций – верное служение Орловщине и России, культуре, литературе. Итог, достойный звания русского писателя. А все невзгоды и неудачи...

Думая о судьбе Яновского, я вспомнил другую историю. В 1891 году критик М.А. Протопопов написал статью о Николае Лескове под заглавием «Больной талант». Лесков поблагодарил критика за общий тон его статьи, но решительно возражал против её заглавия и основных положений. «Критике вашей недостаёт историчности, – писал он Протопопову. – Говоря об авторе, вы забыли его время и то, что он есть дитя своего времени... Я бы, писавши о себе, назвал статью не больной талант, а трудный рост».

Как понять творчество писателя, если не всмотреться в его время, не увидеть всю широту и сложность картины пусть медленного, трудного, даже мучительного роста на протяжении почти шести десятилетий? Чем выше автор вырастал, чем сложнее была эпоха, тем труднее, наверное, был рост. И это урок для всякого, кто вступает на литературный путь и думает пером зарабатывать на жизнь.

...Лет 15 назад в стенах орловского лицея № 28 появилась идея открыть мемориальную доску на доме по 2-й Курской улице, где жил Анатолий Яновский. Учителя и ученики собрали более 600 подписей в поддержку проекта. Однако памятная табличка на доме тогда так и не появилась. Наверное, это дело времени. Память о писателе в Орле не исчезнет, как не исчезнут его книги, литературные герои, его думы о родной сторонке.

